

Рассказ Люка

"Сын Зевса. Настоящий сын Повелителя Неба. Как я должен выполнять приказы лорда Кроноса, если рядом со мной находится дитя Царя Богов? И что это за Джексон и Накамура? Я думал, что Джексон слишком травмирован смертью матери, а Накамура видит все по-своему. Что же здесь произошло?"

Я мысленно спрашиваю себя, оставаясь в тени деревьев рядом с Блэком, Джексоном и Накамурой, поскольку первый и последний из этой троицы, похоже, догадались, кто может быть так называемым Божественным родителем Джексона, двое из них смеются, когда Джексон пытается заставить их раскрыть это, но оба, похоже, твердо намерены следовать приказам Лорда Скай.

Тем не менее, я знаю, что парень, сидящий слева от троицы, не всегда будет таким покладистым и мягким, каким он сейчас представляется миру, так как я почти чувствую сильную ауру Тьмы и Боли, исходящую от мальчика, что заставляет меня задуматься, не может ли Лорд Неба быть причиной этого, но я не обращаю на это внимания.

Я делаю это в основном потому, что пытаюсь придумать, как использовать сегодняшнюю так называемую встречу, чтобы - если не для чего другого - лучше понять свою новую ситуацию и свою оставшуюся цель: получить от Зевса Молнию и представить дело так, будто это сделали Аид или Посейдон, чтобы Большая Тройка вступила в войну и уничтожила друг друга.

Поначалу мне казалось, что этот план имеет еще больше шансов на успех, когда я впервые почувствовал тьму, исходящую от Черного мальчика, но когда он оказался сыном Лорда Скай, я был ошеломлен и обескуражен, поэтому решил проверить, из чего на самом деле состоит Черный, и использовал для этого Накамуру.

Однако я не ожидал, что Блэк действительно поклянется на Стиксе, чтобы доказать свое наследие, или подтвердит всем вокруг, что Боги придут сегодня ночью, или что Накамура, услышав эту клятву, примет парня и подружится с ним, поскольку я знаю, что у Накамуры много личных проблем, связанных с верностью.

Конечно, не нужно быть коровой, чтобы понять, что в сердце Блэка есть какая-то сила, которая притягивает к нему людей и заставляет их дружить с ним, сила, которая, как я чувствую, немного дарована ему электростанцией его отца и частично благодаря чему-то, что просто заставляет парня быть тем, кто он есть, но мне это не нравится.

Мысль о том, что у самого лорда Скай есть такой привлекательный и вызывающий преданность сын, которого, возможно, благословила сама Леди Любви, как я люблю называть Афродиту, мне не нравится, поскольку это делает мою второстепенную цель - заставить других полубогов смотреть на вещи по-моему и по-лорду Кроносу - гораздо более трудной.

И мысль о том, что мне придется либо сражаться с кем-то подобным, либо разочаровать единственное божественное существо, которое когда-либо проявляло ко мне активный интерес, не очень приятно, и, держась в тени, притаившись рядом с троицей, ненавидя то, как Блэк притягивает Накамуру ближе к своему сердцу, я нахмурился при мысли о том, что планы моего лорда провалятся.

Рассказ Итана

Я был полностью согласен с Люком и не согласен с большинством тех, кто возбужденно шептался о том, что в лагере действительно есть Сын Зевса. Часть меня ненавидела этих людей, поскольку в лагере уже давно есть Дитя Зевса, но этот новый ребенок, похоже, заставил всех вокруг меня забыть об этом.

Мысль о том, что боги действительно сойдут и покажутся нам впервые за многие века, если не тысячелетия, заставила меня согласиться на предложение Люка испытать этого новичка, но когда он подтвердил свою истинность, в нем появилось что-то такое, что заставило меня задуматься, почему я с самого начала невзлюбил его.

Парень, безусловно, силен, и его личная сила сама по себе доказывает, что он - дитя могущественного божества, но я не до конца верил, что он - сын Большой Тройки, до тех пор, пока не была принята Клятва. И все же, хотя в нем есть сила, доказывающая его происхождение, меня больше привлекло то, как он поменял свою сущность.

Парень был тверд, решителен и уверен в себе - характер настоящего лидера - когда встретил мое противостояние лицом к лицу, но после того, как он доказал мне свою правоту, в нем появилась почти детская невинность, он стал веселым и дружелюбным парнем, у которого, казалось, было отличное чувство юмора и потребность поддерживать дружеские отношения с людьми.

Удивляясь, почему он просто не отмахнулся от меня после того, как я открыто продемонстрировал свое неуважение к его Божественному наследию, я решил понаблюдать за парнем, поскольку в нем есть что-то, что я не могу отнести ни к тому, что он сын Зевса, ни к тому, что он прирожденный лидер, каким он кажется.

Глубоко под этой уверенностью в себе, силой и доброй душой, которая, кажется, притягивает дружелюбие людей, растет темная сила, которая, кажется, рождается из целого набора темных и болезненных эмоций, и самые сильные из них даже кажутся совсем недавними, темные эмоции почти видны мне, как они были всегда.

Зная, что эта сила досталась мне от моего Божественного родителя, но также зная, что это не может быть Аид по многим причинам - одна из них заключается в том, что я никогда не чувствовал себя комфортно, когда спускался под землю, - я задаюсь вопросом, не являюсь ли я ребенком Менее Божественного Существа, и эта мысль печалит меня, поскольку означает, что я могу быть не востребован.

Затем, пока мы с Гарри пытаемся отнестись с юмором к тому, как Перси пытается убедить нас рассказать ему о его Божественном происхождении, Гарри, видимо, замечает мои мрачные мысли и спрашивает: "Кнут, о чем ты думаешь?" Я странно смотрю на него, что заставляет его смутиться и сказать: "Извини, старые привычки умирают с трудом".

Я киваю, поскольку Гарри и Перси уже рассказали мне все о мире потомков и чемпионов Гекаты, и Гарри говорит: "Но на самом деле, что у тебя на уме, Итан?". И, стараясь не привлекать всеобщего внимания, как это было при столкновении с Гарри, я шепчу: "Если мой родитель не входит в число двенадцати Олимпа, значит ли это, что...?"

И пока я оставляю вопрос в подвешенном состоянии, Гарри улавливает мой страх и бормочет: "Что ты не будешь востребована?". Я киваю, и Гарри, поджав губы, поворачивается от меня к остальному лагерю, его глаза блуждают по всем участникам лагеря, которые заняты делами вокруг нас, и только глядя на него, я понимаю, что он волнуется.

Я не единственный, кто может быть ребенком Меньшего Бога, и только Двенадцать Олимпа будут посещать лагерь, так что я, вероятно, не единственный, кто может быть взволнован тем, что на него претендуют, и разочарован, когда поймет, что не встретится со своим настоящим родителем. Затем в глазах Гарри вспыхивает решимость, и он произносит:

"Я позабочусь об этом. Так или иначе, я позабочусь о том, чтобы все Невостребованные, живущие в Хижине Гермеса, получили признание своих родителей. Поверь мне, я позабочусь об этом". И не знаю, то ли это решимость в его глазах, то ли сила его голоса, то ли аура прирожденного лидера, которую он исключает, но так или иначе - я ему верю.

<http://tl.rulate.ru/book/98803/3353289>